

“ДРУГИЕ БЕРЕГА” НА “ТЕХ” БЕРЕГАХ:
О ПЕРЕСТРОЕЧНОЙ ПУБЛИКАЦИИ АВТОБИОГРАФИИ В. В. НАБОКОВА

Валентина Паризи

1. За последнее время стали множиться исследования, посвященные феномену так называемого тамиздата,¹ то есть миграции отвергнутых, урезанных цензурой или вовсе не предлагавшихся для публикации на родине рукописей, “которые теми или иными путями были тайно вывезены за границу и напечатаны в другой стране с ведома или без ведома и согласия автора”.² Сейчас принято считать, что именно тамиздат, придающий легальный статус текстам, которым в СССР было отказано в официальной публикации, заставляет нас пересмотреть наше традиционное представление о культуре периода позднего социализма. В частности, являясь своего рода кольцом, опосредствующим отношения авторов в России с местным литературным истеблишментом, с одной стороны, и с андерграундом – с другой,³ тамиздат ставит под вопросом бинарную модель, основанную на противопоставлении официальной и неофициальной

¹ См., среди прочего, недавно вышедший специальный выпуск *Wiener Slawistischer Almanach* Tamizdat: Publishing Russian Literature Across Borders // Ed. by Yasha Klots. Berlin, Peter Lang, 2021, статью Иларии Сикари Марии Олсуф'ева: The Italian Voice of Soviet Dissent or, the Translator as a Transnational Socio-Cultural Actor // *Translating Russian Literature in the Global Context* / Ed by Muireann Maguire and Cathy McAteer, Open Book Publishers, 2024, pp. 181-201, а еще эссе автора этих строк *Parisi V. From Magadan to Milan. Evgenia Ginzburg's Journey into the Whirlwind as an example of transnational "socialization of texts"* // *Form and Transformation in Soviet Underground Writing* / Ed. by Catherine Ciepiela, Ann Komaromi and Ilja Kukuj. Toronto, University of Toronto Press (в печати).

² Клоц, Я. Тамиздат. Контрабандная русская литература в эпоху холодной войны. Пер. с английского Пирусская Татьяна. М., Новое литературное обозрение, 2024. С. 13.

³ Ср. у Клоца: “Tamizdat thus mediated the relationships of authors in Russia with the Soviet literary establishment on the one hand and with the underground on the other”. Klots, Y. Tamizdat as a Literary Practice and Political Institution: Late Soviet Underground Abroad // *The Oxford Handbook of Soviet Underground Culture* / Ed. by Mark Lipovetky, Maria Engström, Tomáš Glanc, Ilja Kukuj and Klavdia Smola. NY, Oxford University Press, 2024. P. 206.

культур. Вместе этого предлагается более комплексная, трехмерная система культурного производства, где самиздат, госиздат и тамиздат больше не интерпретируются как самоисключающие элементы, а скорее как взаимообусловленные, неразрывно связанные стратегии.

В то же время, другой аспект транснациональной миграции текстов остается до сих пор малоизученным, то есть “возвращение на родину”⁴ произведений эмигрантских авторов, которое началось к середине 1980-х годов. Именно это текстовый трансфер, осуществленный в обратном от тамиздата направлении, является центральным для выделения особенностей цензурного процесса в перестроечное время. Ведь произведения, написанные и изданные “там”, перед тем, как они были допущены к печати в официальных журналах, подвергались цензуре. Поэтому, изучение купюр позволяет определить контуры того, что во второй половине 1980-х годов власти еще считали неприемлемым для советских читателей.

В данной статье я сосредоточу взгляд на автобиографии В.В. Набокова *Другие берега*, которая была опубликована в сокращенном виде в журнале “Дружба народов” в 1988 году. Этот эпизод из истории “возвращения” набоковского наследия в Россию позволяет дополнить сложную картину о взаимосвязи госиздата, самиздата и тамиздата как взаимосвязанных феноменов. Хотя, если ссылаться на теоретизации Клоца, автобиография Набокова к тамиздату не принадлежит,⁵ все-таки, как мы увидим, читатели самиздата и тамиздата, предварительно ознакомившиеся с ее текстом, обнаруживали искажения, внесенные в него цензурой, и разоблачили их посредством “альтернативной” самиздатской публикации.

⁴ Хотя эти произведения были написаны за границей (и поэтому о “возвращении” их на родину, в отличие от текстов тамиздата в буквальном смысле слова говорить нельзя), я использую это выражение в переносном смысле, ведь оно именно применительно к Набокову обрело определенную удачу у исследователей. Ср.: Zverev, A. *Literary Return to Russia* // *The Garland Companion to Vladimir Nabokov* / Ed. by Vladimir E. Alexandrov. NY: Taylor&Francis, 1995. P. 291-305.

⁵ Для Клоца, для того, чтобы публикация считалась тамиздатом, рукопись должна пересечь границу хотя бы один раз. По его словам, “эмигрантская литература принципиально отлична от тамиздата по той причине, что авторы находились по ту сторону границы, что и издатели”. А с другой стороны, он признает, что “написанное в эмиграции, конечно, может выполнять те же самые функции, если смотреть с точки зрения читателя в Союзе, для которого Набоков был настолько же запретным и притягательным плодом, как и *Доктор Живаго*”. Именно это уравнивание тамиздата и эмигрантской литературы в сознании читателя сыграет большую роль в моем рассуждении. Толстой, И. Феномен тамиздата как научная проблема // “Радио Свобода”, 19 июня 2022 г., <<https://www.svoboda.org/amp/fenomen-tamizdata-kak-nauchnaya-problema/31905294.html>>.

Но перед тем, как анализировать этот конкретный случай, необходимо упомянуть о дискуссии о судьбе самиздата, которая разгорелась одновременно с появлением в печати авторов, которые до недавнего времени в Советском Союзе считались неиздаваемыми.

2. В августе 1986 года со страниц основанного им машинописного журнала “Митин журнала” Дмитрий Волчек задал вопрос, звучащий довольно провокационным: сколько осталось жить самиздату?⁶ Фактически, гласность, провозглашённая Михаилом Горбачевым в том же году на семнадцатом съезде Коммунистической Партии Советского Союза, открыла новый курс в издательском деле и внезапно сделала традицию машинописных периодических изданий несколько устаревшей. Как замечал автор статьи, в результате ослабления государственной цензуры, на страницы отечественных толстых журналов всё чаще стали попадать литературные произведения, которые еще недавно было невозможно прочитать в типографическом виде – за исключением, конечно, импортных изданий тамиздата (переименованного Волчком в “типографский самиздат”).⁷ Параллельно с этим, официальные журналы в геометрической прогрессии увеличивали их тиражи, чтобы удовлетворить читательский спрос.⁸

⁶ Волчек, Д. (Линдон Дмитриев). Сколько осталось жить самиздату? // Митин журнал. 1986. № 9/10, FSO 01, f. 5/1. Статья была перепечатанной в журнале “Часы”, № 68, 1987, С. 293-296, электронная версия: <<http://samizdat.wiki/images/8/80/ЧАСЫ68-19-Дмитриев-Сколько-осталось-жить-самиздату.pdf>>.

⁷ Там же. С. 295. Интересно, что это словосочетание встречается в те годы и у Михаила Берга: “Поманит типографское эхо тамиздата – опять иллюзия: у книги будут те же полтора читателя, что и здесь: русские зарубежные издательства – это типографский самиздат”. Берг, М. Новый жанр: писатель и читатель // Литературное А-Я. 1985. С. 4.

⁸ По этому поводу, Лев Гудков отметил: “На протяжении нескольких лет горбачевской политики ‘гласности’ – с конца 1986 года по 1991 года – тиражи ведущих общественно-литературных журналов взлетели в несколько раз (условно ‘либеральных’ – в 4-9 раз, ‘почвенных’ – в 1.2-1.5 раза). Так ‘Новый мир’, имея до перестройки лимитированную подписку и тираж 160 тыс. экземпляров, после публикаций А. Солженицына, М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова и других, ранее запрещенных, авторов поднял тираж до 3.5 млн. экземпляров; ‘Знамя’ (после ‘Детей Арбата’ А. Рыбакова и других перестроечных публикаций) – с 140 до более 1 млн. экземпляров, ‘Дружба народов’ – с 120 тысяч до 850 тысяч экземпляров. Ресурсом для взрывного потребления журналов явился самиздат, а позднее ‘тамиздат’ – зарубежные русскоязычные издательства”. Гудков, Л. “Интеллигенция”: ушедшее понятие и его последствия. UNLV Center for Democratic Culture. <https://cdclv.unlv.edu/archives/articles/gudkov_intelligentsia_rus.pdf>.

Одним из главных литературных событий того же 1986 года стала публикация *Защиты Лужина* в журнале “Москва”, известном своими реакционными позициями. В интервью, одновременно опубликованном в лондонском журнале “Index on Censorship” и в самиздатском альманахе “Эпсилон-салон”, выпущенном в Москве Александром Барашем и Николаем Байтовым,⁹ британская славистка Салли А. Лэрд спросила главного редактора “Москвы” Михаила Алексева, не была ли эта публикация оппортунистическим маневром, направленным на повышение популярности журнала. На то Алексей невозмутимо ответил, что настало время “вернуть Набокова читателям”: “We thought it was time to return Nabokov to our readers. [...] We feel that they are sufficiently mature to understand him [...] he was after all a Russian”.¹⁰ С другой стороны, он заверил, что произведения Иосифа Бродского никогда не появятся в его журнале, потому что “is not a poet. [...] Also he is not Russian”.¹¹ В следующем году, как известно, Бродский получил Нобелевскую премию по литературе.

Однако, некоторые советские читатели уже ознакомились с произведениями опальных писателей на свой страх и риск, не дожидаясь поздних, подцензурных публикаций перестройки. Этот факт стал очевидным после самой сенсационной запоздалой публикации этого периода, то есть появления в печати *Доктор Живаго*, который в 1988 году (с первого номера по четвертым, с января по апрель) был опубликован тиражом около миллиона экземпляров в “Новом мире” (то есть в том же журнале, который отверг его в 1956 году).¹² В связи с этим стоит упомянуть реакцию Елены Зелинской, редактор ленинградского машинописного журнала “Меркурий”. Выступая на дискуссии “Гласность и печать”, органи-

⁹ Лэрд, С.А. [Laird, S.A.] Литература в СССР – что изменилось // Эпсилон-салон. 1987, № 9, ГПИБ, Москва, Коллекция нетрадиционной печати, 1074282 NP 2-364 (русская версия статьи, опубликованной в “Index on Censorship”, № 7, 1987. С. 8-13).

¹⁰ Там же. С. 10. Для полноты картины следует упомянуть, что “возвращение на родину” Набокова сопровождалось настоящими нападками в советской прессе. Напр. Д. Урнов, в его статье красноречиво озаглавленной “Приглашение на суд”, назвал Набокова “представителем декаданса, упадка” и эпигоном Ф. Сологуба, “преемником худших, слабейших его сторон”. Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова: Критические отзывы, эссе, пародии / Под общей редакцией Н. Г. Мельникова. М., Новое литературное обозрение, 2000. С. 11.

¹¹ Лэрд, С.А. Литература в СССР. С. 10.

¹² О том, как Вадим Борисов с Евгением Борисовичем Пастернак готовили текст романа к публикации в “Новом мире”, сверяя разные машинописные копии с авторских правок, см. воспоминания Елены Владимировны Пастернак, собранные Филиппом Дзядко: История публикации *Доктора Живаго*, <<https://arzamas.academy/mag/679-zhivago>>.

зованной в Ленинграде в мае того же года, она выразила свои сомнения в том, действительно ли роман Пастернака является какой-то новостью для отечественного образованного читателя:

В “Огоньке”, уважаемом мною журнале, я наткнулась на совершенно необыкновенное высказывание. Критик Татьяна Иванова пишет: “Вместе со всей страной я собираюсь читать третью часть романа Пастернака”. Нет, простите, я не верю. Я не могу поверить, что такой литературовед, такая москвичка, как Татьяна Иванова, никогда не читала *Доктора Живаго*. Точно так же я не могу поверить, что есть люди, которые никогда не читали ни самиздат, ни тамиздат, люди, которые никогда не знали ощущения передачи друг другу из рук в руки напечатанных на машинке листов, ксерокопий и так далее. Долгие годы целая сфера существования русской культуры жила в безвестности. Теперь у нас впервые появилась возможность говорить о ней вслух.¹³

Поэтому, можно предполагать, что появление в печати таких произведений как *Доктор Живаго* имело побочный, неожиданный эффект: оно сделало ощутимым тот факт, что большая часть советской интеллигенции уже давно познакомилась с ними благодаря публикациям самиздата и тамиздата. По этому поводу следует отметить тот факт, что вряд ли читатели того времени отличали среди зарубежных изданий произведения, которые по разным причинам не могли явиться в печати в Советском Союзе, но были написанными на родине и переправленными за границу в надежде, что они могут быть опубликованными (то есть то, что принято рассматривать как тамиздат) от книг эмигрантских авторов, часто опубликованных теми самыми зарубежными издательствами, которые сыграли большую роль в динамиках тамиздата. Как заметил Яков Клоц, “the author’s geographical whereabouts may not have counted as a definitive factor for the readers of tamizdat in Soviet Russia (what mattered was, rather, that the publication itself came from abroad)”.¹⁴ Такое экзотическое происхождение было само по себе предпосылкой для повышенного интереса к чтению. Специфику такого читательского опыта эффективно восстановил среди других Николай Байтов. В его статье о *Бледном огне*, опубликованной в “Эпсилон-салоне” в 1986 году, он не только заявляет, что с выпуском русского перевода этого романа “кончается пятнадцати-

¹³ Зелинская, Е. Из выступления на дискуссии “Гласность и печать” // Меркурий. Ноябрь 1988. №16. С. 1. Ср. у Волчека: “Советские издатели, наконец, спохватились и стали печатать Набокова и Платонова. Но, слава Богу, все эти книги давно изданы за рубежом, переведены на многие языки, и мы их в Советском Союзе тоже читали 10, а то и 20 лет назад. Спасибо, конечно, что печатают, но мы уже это все знаем”. Проблемы независимой печати. Стенограмма информативной встречи-диалога редакторов независимых изданий // Грани. Апрель-июль 1988. № 148. С. 297.

¹⁴ Klots, Y. Tamizdat. P. 210.

летнее триумфальное вступление Набокова в России”,¹⁵ а также с ностальгией вспоминает о своеобразных тактильно-ольфакторных ощущениях, связанных с чтением книг Набокова, переправленных из Америки в Советский Союз:

В то время имковские издания уже начали понемногу вытесняться ардисовскими. Знаменитый аромат имковских книг /бумага что ли так пахла или клей переплётный? Ведь не нарочно же они спрыскивали книги французскими духами?/ – этот аромат, очень тонкий, но такой устойчивый, что как будто передавался даже при ксерокопировании, начал сменяться при чтении нулёвым запахом, хотя бумага наощупь была такая же. И, открывая Набокова, мы не испытывали уже того специфического шемящего возбуждения, которое сопровождало наших чтений последних 60-х - первых 70-х годов. С приходом Набокова незаметно начала меняться эра...¹⁶

В том же ключе Волчек заметил, что *Защита Лужина* – совсем не то произведение, если читать его “в роскошном издании с мизерным тиражом американского ‘Ардиса’ или в скудном варианте журнала ‘Москва’”.¹⁷

Более того, чтение массовых публикаций перестроечного времени неизбежно было лишено того чувства исключительности и едва ли провиденциальности, которое часто ассоциируется с запрещенным чтением самиздата и тамиздата. Ведь, как вытекает из разных свидетельств, читателю малодоступного произведения трудно было не поддаваться соблазну поверить, что оно было написано именно для него; что он является тем читателем “в потомстве”, или “таинственным адресатом”,¹⁸ о

¹⁵ Байтов, Н. О романе В. Набокова “Бледный огонь” // “Эпсилон-салон”. 1986, № 3, FSO 01, f. 5/1. Электронная версия: <<https://collections.library.utoronto.ca/view/samizdat-10622>>. Здесь речь идет о русском издании *Pale Fire*, переведённого Верой Набоковой и опубликованного “Ардисом” в 1983 году.

¹⁶ Там же. С помощью этих двух неологизмов (“имковских” и “ардисовских”) Байтов указывает на издания, выпущенные соответственно парижским издательством YMCA Press, и Ardis Publishing, основанным в 1971 году супругами-славистами Карлом и Элендеей Проффер в Анн Арбор

¹⁷ Индекс. Альманах по материалам рукописных журналов / сост. М. Ромм. Москва, Гуманитарный фонд, 1990. С. 74. *Защита Лужина* вышла у Ардиса в 1979 году. Об отношениях между Профферами и Владимиром и Верой Набоковыми см.: Переписка Набоковых с Профферами / Пер. с англ. Н. Жутовской. Публикация, вступ. заметка, комментарии Г. Глушанок // Звезда. 2005. №7. С. 142.

¹⁸ Ср. у Евгения Баратынского (1828 г.): “Мой дар убог и голос мой не громок, / Но я живу, и на земли мое / Кому-нибудь любезно бытие: /Его найдёт далёкий мой потомок / В моих стихах: как знать? душа моя / Окажется с душой его в сношеньи, /И как нашёл я друга в поколеньи, / Читателя найду в потомстве я”. *Баратынского, Е.* Стихотворения. Поэмы. Москва, Наука, 1982. С. 128. Как известно, в статье 1913 года *О собеседнике*,

котором в свое время писали Баратынский и Мандельштам, и посредством которого только может восстанавливаться связь между литературными поколениями. Именно на это намекал Байтов, цитируя отрывок из стихотворения *Слава*, написанного Набоковым “только что переселившись в Америку”,¹⁹ в 1942 году. Как будто уже тогда автор угадал обстоятельства, в которых сам Байтов через сорок лет будет читать *Король, дама, валет*²⁰ в так называемом “Ёлкином доме” в усадьбе художника Василия Поленова:

Кто в осеннюю ночь, кто, скажи-ка на милость,
в захолустьи русском, при лампе, в пальто,
среди гильз папиросных, каких-то опилок
и других озаренных неясностей, кто
на столе развернет образец твоей прозы [...]?²¹

Но еще интереснее сам факт существования разницы в пятнадцать лет – если верить словам Байтова – между открытием Набокова “продвинутым московским читателем”²² и массовой публикой, которая должна была ждать до 1986 года, когда появились в печати несколько фрагментов автобиографии *Другие берега*,²³ подборка стихов Сирина, а наконец

Мандельштам ссылается на стихотворение Баратынского, чтобы обосновать свою теорию “провиденциального читателя”, “современника будущего”, единственного возможного адресата и надежного собеседника для поэта. *Мандельштам, О. О собеседнике // Мандельштам, О. Слово и культура. О поэзии. Разговор о Данте. Статьи. Рецензии. Москва, Советский писатель, 1987. С. 48-54.* В контексте андерграунда 1970-х о стихах Баратынского и о “читателе в потомстве” будет вспоминать Виктор Кривулин: “Суть в том, что все мы, русские поэты, влюблены друг в друга [...] О такой любви писал Баратынский в ‘Мой дар убог...’. Только семь лет назад я почувствовал, что и на меня обращена эта любовь – из прошлого, и что я не могу не ответить на нее, и что нет никакой мании величия и тщеславия в чувстве причастности к узкому кругу любящих”. *Кривулин В. Полдня длиной в одиннадцать строк. Шестое стихотворение данное в контексте // “37”. Май-июль 1977. № 11. Электронная версия: <https://collections.library.utoronto.ca/view/samizdat:37_11>.*

¹⁹ *Байтов, Н. О романе В. Набокова.*

²⁰ “Король, дама, валет” был выпущен Ардисом в 1979 году.

²¹ *Набоков, В. Слава // Набоков, В. Круг. Ленинград, Художественная литература, 1990. С. 146.*

²² *Байтов, Н. О романе В. Набокова.*

²³ Любопытно, что самой первой публикацией Набокова в Советском Союзе стал фрагмент из *Другие берега*, где Набоков рассказывал о составлении шахматных задач. Его опубликовал в августе 1986 года журнал “64: Шахматное обозрение”, редактором которого являлся Анатолий Карпов, чемпион мира по шахматам (1975-1985). См.: *Набо-*

Защита Лужина.²⁴ То, что романы Набокова были известны определенному кругу читателей еще до официальных публикаций перестроечного времени, стало ясно например Владимиру Лексину. В 1987 году он заметил, что, видимо, подобных ранних любителей эмигрантского писателя “не так уж мало, если публикуются суждения о прямом воздействии Набокова на творчество ряда наших писателей”.²⁵

Поэтому, если рассматривать читательские опыты, касающихся не только набоковских произведений, а также текстов других неразрешенных авторов, заметно, что они сильно различаются по времени и контексту, “в котором вынуждено существовать произведение”.²⁶ Ведь, как замечал Волчек: “...когда стихи Бродского и романы Кафки попадают в контекст традиционной, даже и недурной, советской литературы, они существенно меняются под воздействием случайных своих соседей”.²⁷

А с другой стороны нельзя забывать и о другом важном аспекте – то есть о том, что цензура продолжала действовать и во время перестройки. Именно это обстоятельство оправдало существование самиздата при постепенном усвоении перестроечной официальной печатью тех литературных произведений, которые до середины 1980-х годов остались запрещёнными, полузапрещёнными или малодоступными.

Прогрессирующая либерализация издательской политики действительно могла лишить самиздат его роли, как предполагал Волчек. Но ситуация складывалась противоречиво: с одной стороны, советская пресса “заново открывала” литературные произведения, уже хорошо известные тем, кто имел доступ к каналам самиздата и тамиздата. А с другой стороны, редакторы самиздатских периодических изданий хорошо знали о всё еще сохраняющихся ограничениях свободы печати. Несмотря на всеобщий энтузиазм, они сомневались, что все материалы, которые до тех пор распространялись в виде самиздатских перепечаток, могли стать публично доступными в печатной форме. Например, Волчек различал произведения, ранее считавшиеся “непубликуемыми” из-за их политиче-

ков, В.В. Ночь труда и отрады: [Отрывок из книги “Другие берега”]. // 64: Шахматное обозрение. 1986. № 16 (758). С. 24-26.

²⁴ См.: Из литературного наследия / Предисл. А. Вознесенского // Октябрь. 1986. № 11. С. 111-125; Набоков, В.В. Защита Лужина // Москва. Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический иллюстрированный журнал. №12 за 1986. С. 73-163.

²⁵ Лексин, В. Искус “запретного плода”. К выходу произведений Владимира Набокова // Московские новости. 22 февраля 1987 года. №8 (346).

²⁶ “Индекс”. С. 73.

²⁷ Там же.

ского содержания или их нетрадиционной стилистики, и произведения, обычно определяемые как “порнографические” из-за их якобы аморального содержания или употребления “ненормативной лексики” (как, например, тексты Владимира Сорокина, Виктора Ерофеева и Евгения Харитонова). Не исключая, что официальная пресса могла приветствовать на своих страницах произведения, принадлежащие к первой группе, Волчек считал маловероятным, чтобы тексты из второй группы могли вскоре появиться в печати. По его мнению, несмотря на гласность, самиздат мог продолжать играть свою вполне оправданную функцию надёжного убежища для тех произведений, которые считались противоречащими общепринятой морали²⁸ и поэтому неприемлемыми.

И, действительно, ослабление цензуры при Горбачеве не свело на нет роль самиздата и не сделало самопубликацию анахронизмом. Подтверждением тому может служить редакционная заметка, сопровождавшая первый номер машинописного московского журнала “Морская черепаха”. Его редактор (и будущий организатор “Всесоюзный гуманитарный фонд им. А. С. Пушкина”) Михаил Ромм обосновал решение создать такой журнал как следует:

Дело в том, что ситуация остается сложной [Ромм пишет в феврале 1988 года]. Журналы, газеты и издательства буквально наводнены потрясающими произведениями, которые раньше не могли быть опубликованы. Конечно, прекрасно, когда можно прочитать типографский вариант уже знакомых нам по самиздату шедевров, но не может не возникнуть ощущение, что всё это изобилие может послужить поводом для ухода от настоящего и укрытия в прошлом. К сожалению, тех издательских кооперативов, о которых так много говорят, пока не существует. Поэтому самиздат остаётся актуальным и по сей день.²⁹

Трудности, с которыми сталкивались молодые авторы при обращении к официальным издательским каналам, по-прежнему делали самиздат действенной стратегией распространения литературных текстов. Молодые авторы выбирали самиздат, чтобы сохранить автономию собственного интеллектуального и экзистенциального проекта.³⁰ А еще другой

²⁸ Волчек, Д. Сколько осталось жить самиздату? С. 256. При этом, следует отметить, что на заданный ему вопрос Лэрда, будет ли “Москва” опубликовать и *Лолиту*, Алексеев ответил отрицательно: “We do have certain moral standards”. *Лэрд*. Литература в СССР. С. 10.

²⁹ Ромм, М. Рукописные сборники // Морская черепаха. Февраль 1988. № 1. ГПИБ, Москва, Коллекция нетрадиционной печати, 1074257NP 2-369.

³⁰ Показательным в этом смысле является выступление Елены Зелинской на “информативной встрече” редакторов независимых изданий, состоявшейся 24 и 25 октября 1987 г. в Ленинграде: “Да, я знаю, что если очень постараюсь, то смогу напечататься в ‘Лите-

сильной стороной самиздата была его своевременность – как заметил Волчек, отвечая на вопрос об актуальности своего собственного машинописного журнала после 1 августа 1990 года, то есть после принятия закона “О средствах массовой информации”, снявшего контроль государственного аппарата над всеми сферами публичности:

Один из плюсов самиздатских журналов заключается в том, что здесь можно оперативно и быстро опубликовать текст практически никому не известного автора. Если появится гениальный текст, то ничто не мешает поставить его в ближайший выпускаемый номер.³¹

3. По сравнению с традиционной печатью, по мнению Волчека, самиздат имел то преимущество, что он более точно отображал текущий литературный процесс. Тем не менее, он мог выполнять еще другую важную функцию, на которую исследователи пока не обратили внимания. То есть, самиздат мог разоблачать цензурные искажения, которыми всё еще изобиловали тексты, опубликованные в официальных журналах. Это именно то, что произошло с *Другие берега*, которая появилась на страницах “Дружбы народов” с вычеркнутыми фрагментами, или, как выразился Андрей Чернышев в его вступительном слове, “с некоторыми сокращениями”.³² Буквально через пару месяцев, в сентябре 1988 года, самиздатский ленинградский журнал “Сумерки” (основанный в том же году) предоставил своим читателям возможность ознакомиться с удалёнными цензурой фрагментами набоковских воспоминаний.³³ То есть, редакторы машинописного журнала восполнили пробелы, сравнивая текст, опубликованный в “Дружбе народов” с версией выпущенной на десять лет раньше американским издательством “Ардис” в Анн Арборе.³⁴ Таким

ратурной газете’, но – надоело. Надоело быть просителем, надоело знать, что твой материал обкромсают с ног до головы, что ты не вправе распоряжаться своей информацией, своими мыслями. Хочется самому делать свое дело”. Проблемы независимой печати. С. 285.

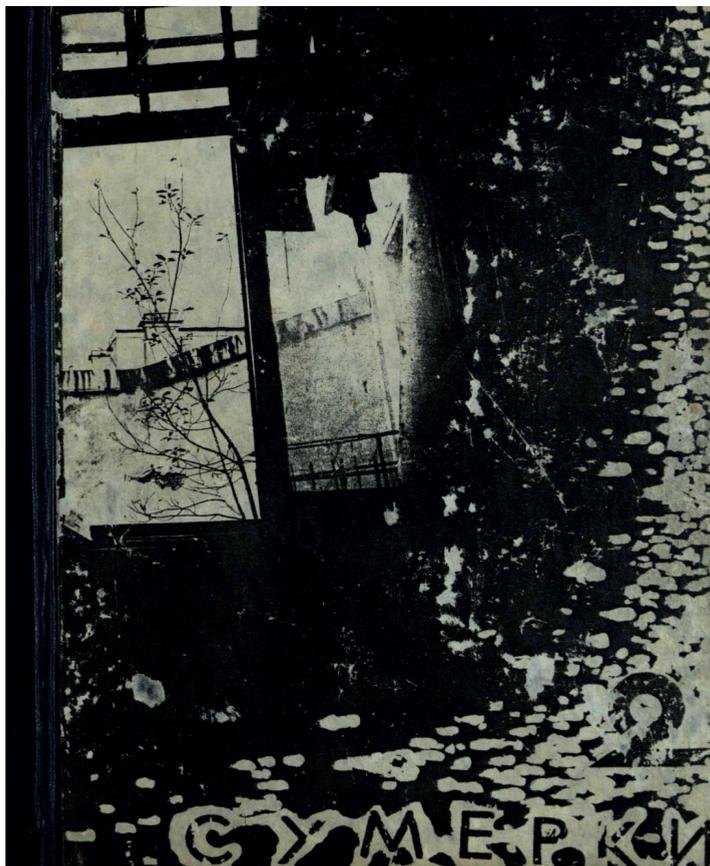
³¹ *Ефремова, Е. – Кожевникова, Н.* Праздник “Митинога журнала” // Невское время. 26 августа 1992. №165.

³² *Набоков В.* Другие берега. // “Дружба народов”. 1988. № 5. С. 140.

³³ “Сумерки” опубликовал только фрагменты из шестой, одиннадцатой, двенадцатой и тринадцатой глав автобиографии Набокова, которые удалились из версии, напечатанной в “Дружбе народов” (а не произведение полностью).

³⁴ Вспоминая об участии Ардиса в московской книжной ярмарке в 1977 году, Эллендея Проффер упоминает о любопытстве, которое вызвала у читателей автобиография Набокова: “The intellectuals would go straight to Nabokov and try to read all of *Drugie berega* (Other Shores, the Russian version of *Speak, Memory*) while standing right there in front of us.

образом, цельность оригинала восстанавливалась в малотиражном, новорождённом, самиздатском издании благодаря предварительному знакомству с изданием, вышедшим “там”.

Илл. 1. “Сумерки”, 1988, № 2, Ленинград, самиздат. Обложка.

We could not let them do that, because there were two-hour lines and more people needed to come in”. *Proffer Teasley, E.* How Censorship Leads to Tamizdat: Ardis Publishers // Wiener Slawistischer Almanach. October 2021. № 86. Yasha Klots (ed.) Tamizdat: Publishing Russian Literature Across Borders. С. 347.

Безусловно приветствуя напечатание восьмисоттысячным тиражом автобиографии В.В.Набокова "Другие берега" /"Дружба народов", № 5, 6, 1988 г./, мы хотим напомнить общеизвестное: текст литературного произведения есть целое, изъятие любой части которого искажает его /текста/ "художественное бытие"; тем более, что невинные "некоторые сокращения", о которых говорится в предисловии к публикации /см. "Дружба народов", № 5, 1988/, представляют из себя купюры, сделанные по цензурным соображениям.

Вывод о цензурной направленности и характере купюр читатели сделают сами.

Текст восстанавливается по изданию: Владимир Набоков. Другие берега. ARDIS / ANN ARBOR 1978 г.

Илл. 2. "Сумерки", 1988, № 2, Ленинград, самиздат.
В. Набоков, *Другие берега* /Дополнения / С. 113

II4

"Дружба народов", № 6, 1988
стр.87

На тесной от душистых кустов тропинке, спускавшейся из Гаспры /Крым/ к морю ранней весной 1918 года, какой-то + большевицкий + часовой, колченогий дурень с серьгой в одном ухе, хотел меня арестовать за то, что, дескать, сигнализирую сачком английским судам.

стр.118

+ В американском издании этой книги мне пришлось объяснить удивленному читателю, что эра кровопролития, концентрационных лагерей и заложничества началась немедленно после того, что Ленин и его помощники захватили власть. Зимой 1917-го года демократия еще верила, что можно предотвратить большевистскую диктатуру. +

стр.119

+ Но не это было, конечно, существенно. Местное татарское правительство смели новенькие советы, из Севастополя прибыли опытные пулеметчики и палачи, и мы попали в самое скучное и унизительное положение, в котором могут быть люди, - то положение, когда вокруг все время ходит идиотская преждевременная смерть, оттого что козьяничкают человекоподобные и обижаются, если им что-нибудь не по ноздре. Тупая эта опасность плелась за нами до апреля 1918-го года. На ялтинском молу, где Дама с Собачкой потеряла когда-то лорнет, большевистские матросы привязывали тяжести к ногам арестованных жителей и, поставив спиной к морю, расстреливали их; год спустя водолаз докладывал, что на дне очутился в густой толпе стоящих навтыжку мертвецов. +

стр.122

+ То немного, что мой Бомстон и его друзья знали о Рос-

Стоит обратить внимание на “идеалистический” характер поступка редакторов “Сумерек”: вряд ли их публикация могла влиять на восприятие набоковского текста массовой публикой, ведь весь тираж второго выпуска журнала, содержащего эти дополнения, составил 32 экземпляра.³⁵ Тем не менее, разоблачение цензурных изменений, внесённых в *Другие берега*, оказалось вполне в линии с целью, которую дали себе редакторы “Сумерек” Александр Новаковский, Алексей Гурьянов и Дмитрий Синочкин, то есть с их попыткой “показать [...] что печать, неподконтрольная Горлиту и Союзу Писателей, может отличаться от официальной не отбором тематики (лагеря, психушки и т. п.), не сенсационностью, не авангардным эпатажем, но уровнем, прежде всего”.³⁶

Тут возникает, как мне кажется, очень любопытный сюжет: инициатива самиздатского журнала “Сумерек” показала очень узкому кругу читателей, что “репатриация” писателя-эмигранта Набокова, осуществлённая в том же 1988 году не только “Дружбой народов”, но и еще многими другими советскими периодическими изданиями,³⁷ не могла совершиться без цензурного надзора. Следовательно, можно заключить, что еще одно преимущество неподцензурной периодики перестроечной эпохи состояло именно в возможности выявлять такую цензурную интенцию.

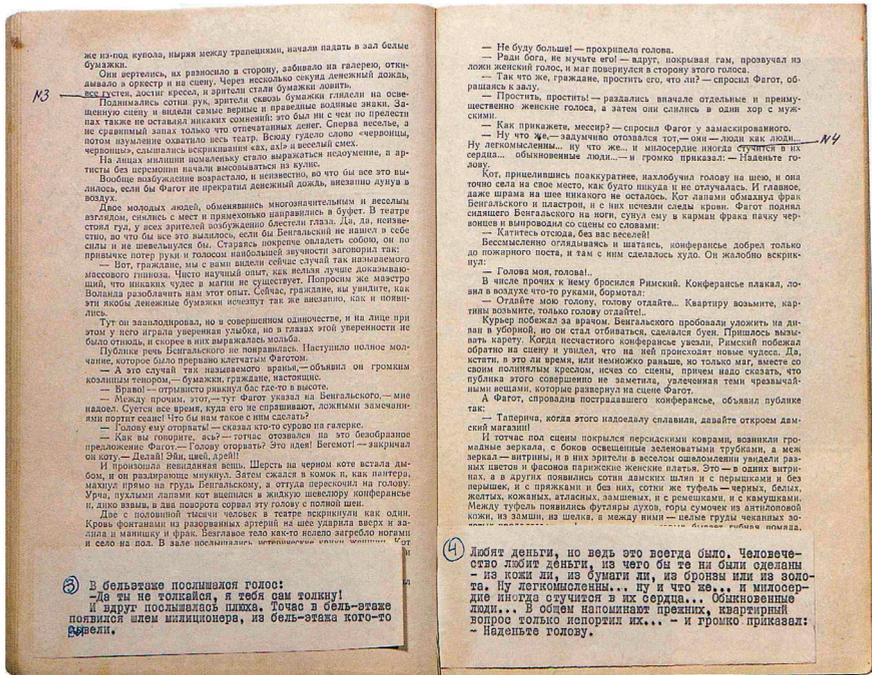
В связи с этим, следует упомянуть еще один случай – гораздо более известный – когда самиздат корректировал искажённую цензурой типографскую публикацию Госиздата. Я имею в виду роман Михаила Булгакова *Мастер и Маргарита*, опубликованный журналом “Москва” в двух номерах, в одиннадцатом за 1966 год и в первом за 1967 год. Как известно, обе части были нещадно порезаны цензурой, как внутриредакционной, так и главлитовской. Всего было изъято примерно сорок машинописных страниц, а точнее было 159 купюр, 138 из них приходились на вторую часть романа. Цензурные ножницы коснулись рассуждений Воланда о москвичах на сцене театра Варьете; ревнивого восторга служанки Наташи по отношению к своей хозяйке; полёта Наташи на соседе Николае Ивановиче, превращённом с помощью крема Азazelло в борова;

³⁵ Ср.: “Тираж первых двух номеров – 32 экз.”, *Мирзаев А.* Сумерки. 30 лет спустя. С. 4.

³⁶ *Синочкин, Д. – Гурьянов, А. – Новаковский, А. – Савво, И.* Может, быть? // “Сумерки”. 1988. № 1. С. 5.

³⁷ Например, в мартовской книжке журнала “Урал” была начата публикация *Дар*. В мае журнал “Театр” опубликовал пьесу *Событие*. В июне журнал “Волга” напечатал роман *Камера обскура*, а журнал “Аврора” – отрывок из неоконченного романа *Solus rex*. В августе “Литературная газета” в рубрике “Круглый стол” поместила большой материал, посвященный обсуждению набоковского творчества.

признаний Мастера и Маргариты в своей неприкайности. Кроме того, в журнальный вариант не попали детали, рассказывающие об обнажённости героинь на балу у Воланда. Вдова писателя Елена Сергеевна Булгакова после публикации пустила в самиздат машинопись всех цензурных изъятий с указанием строк и слов, после которых их нужно вставить. В итоге, журнал выглядел так, как этот экземпляр, принадлежащий Бременскому архиву (илл. 4).

Илл. 4. Михаил Булгаков, Мастер и Маргарита, "Москва", 1966, № 11. Historisches Archiv der Forschungsstelle Osteuropa, Bremen, F. 4.

А двумя годами позднее появилась книга франкфуртского издательства “Посев”, в которой курсивом были выделены куски, вырезанные цензурой в журнальной публикации. Поэтому, попытка, предпринятая редакторами “Сумерек”, восстановить авторский текст *Другие берега* в своей первоначальной цельности – при одновременном разоблачении невидимого работы цензуры – имеет хотя бы одного важного предшественника. Тем не менее, между этими двумя интервенциями существует хотя бы одна фундаментальная разница. Если роман Булгакова в журнале “Москва” опубликовали *впервые*, воспоминания Набокова уже вышли в издательстве имени Чехова в Нью-Йорке в 1954 году, а потом были переизданы в 1978 году издательством “Ардис”, книги которого, как известно, частично были переправлены в Советский Союз.³⁸ Здесь они стали не только объектом восхищенного чтения в андерграундской среде Москвы и Ленинграда – как мы уже видели из воспоминаний Байтова и Волчека – а также текстуальным источником для запоздалых публикаций перестроечного времени.

Именно об этом писал Марк Липовецкий: “...перепечатки из Ардиса (часто без указания источника) – стали важнейшей составляющей редакционных портфелей толстых журналов в годы перестройки”.³⁹

Тем не менее, признавая то “enormous impact that Ardis’s books had in the Soviet Union”,⁴⁰ нельзя забыть, что эти перепечатки все-таки подлежали цензурному надзору. В отличие от романа Булгакова, опубликованного впервые со значительными сокращениями, и исправленного только благодаря индивидуальной инициативе вдовы писателя, в случае *Другие берега* сработала память читателей самиздата и тамиздата, которая позволила дополнить лакуны подцензурного перестроечного издания на основе зарубежной публикации “Ардиса”. То есть, в случае суме-

³⁸ Начиная буквально с первой книги, изданной ими, т.е. с *Камени* О. Е. Мандельштама. См. воспоминания Эллендей: “When we went back to Russia on our next trip, we told our friends, “Well, we’ve got 1,500 copies of Mandelshtam’s Kamen’, and it’s going to get to you one way or another.” We sent Mandelshtam’s book everywhere we could; libraries and graduate students bought it.” Proffer Teasley, E. *How Censorship Leads to Tamizdat: Ardis Publishers // Tamizdat Publishing*. P. 342.

³⁹ Липовецкий, М. “Ардис” и современная русская литература: тридцать лет спустя // Новое литературное обозрение. 2014. № 125, (1). С. 153-166. Можно предположить, что именно так и было в случае с автобиографией Набокова, ведь московский журнал не уточняет, на основе какого издания была осуществлена публикация.

⁴⁰ Lipovetsky, M. A Monument to Russian Modernism: The Ardis Vision of Contemporary Literature // Wiener Slawistischer Almanach. 2021. № 86. Yasha Klots (ed.) Tamizdat. P. 205.

речных дополнений, мы имеем дело с восстановлением оригинала по уже напечатанной и доступной (хотя лишь “продвинутым читателям”, как писал Байтов) версии текста. Следовательно, здесь мы имеем две конкурентные перепечатки книг, опубликованных “там”: первую, типографскую, подцензурную и многотиражную, а еще вторую, машинописную, неподцензурную, и малотиражную. Именно это существенное различие было подчёркнуто в редакционной заметке, сопровождающей неофициальные дополнения “Сумерек” к официальной публикации “Дружбы народов”:

Безусловно приветствуя напечатание восьмисоттысячным тиражом автобиографии Владимира Владимировича Набокова *Другие берега* [...], мы хотим напомнить общеизвестное: текст литературного произведения есть ЦЕЛОЕ, изъятие любой ЧАСТИ которого, искажает его/текста/ “художественное бытие”; тем более, что невинные “некоторые сокращения”, о которых говорится в предисловии к публикации [...], предоставляют из себя купюры, сделанные по цензурным соображениям.

Вывод о цензурной направленности и характере купюр читатели сделают сами. Текст восстанавливается по изданию: Владимир Набоков, *Другие берега*, Ardis, Ann Arbor, 1978 г.⁴¹

Поэтому, я предлагаю смотреть на московскую публикацию *Другие берега* не только как на важный этап возвращения запрещенной эмигрантской литературы в СССР, как это принято считать, а также как на пример цензурной практики в перестроечное время. С одной стороны, писателя-эмигранта посмертно вернули обширной отечественной публике. С другой, сокращая и искажая текст его автобиографии, редакторы “Дружбы народов” старались превратить ее в то, чем она никогда не была, т. е. произведением, адресованным советскому читателю.

В связи с этим возникает вопрос: как *Другие берега* конкретно переправлялись на “те берега”, то есть в Советский Союз, а точнее на страницы влиятельного официального периодического издания как “Дружба народов”? Иными словами, каким способом можно было выполнить явно невозможное задание – “одомашнить” автора, который никогда не скрывал свою враждебность к коммунистическому строю, никогда не хотел ступить на землю Советского Союза и большую часть своей жизни использовал английский язык в качестве литературного?

4. Очевидно, что первым шагом в этом направлении было подчёркивание связи Набокова с русской культурой, который почти шестьдесят

⁴¹ “Сумерки”, август-сентябрь 1988, № 2. С. 113.

лет изгнания якобы не смогли подорвать. Именно это утверждал Андрей Чернышев, профессор на факультете журналистики МГУ, специалист творчества Марка Алданова и автор вступительного слова. Здесь Набоков изображён едва не как русский патриот, не поддающийся никакому иностранному влиянию: “Англия, Германия, Франция, где он жил бесприютной жизнью эмигранта [...] кажется почти не оставили в его душе следа”. Именно из-за этой непобедимой привязанности к русской культуре покойный Набоков может быть репатриирован в Советский Союз. Ведь как пишет Чернышев: “И все-таки Россия оставалась всю жизнь его главной темой, главной любовью”.⁴² А предисловие его совершается следующими словами: “Любовь Набокова к России, русскому языку, Пушкину – главный нерв книги *Другие берега*”.⁴³

Интересно заметить, как это утверждение прямо противоположно мнению эмигрантов первой волны, которые с 1930-х годов постоянно упрекали Набокова в некоей нерусскости, говорили, что он отказывается от наследия русской литературы и что его романы – это подражание каким-то западным образцам.⁴⁴ По мнению давнего знакомого Набокова и автора классического труда *Русская литература в изгнании* Глеба Струве, эта не-русскость заключилась в том, что Набоков/Сирин не интересовался ни общими идеями, ни социальной средой. Вообще у него якобы отсутствовала “столь характерная для русской литературы любовь к человеку”.⁴⁵ Об этом вспоминает и Чернышев, но неожиданно он приходит к совершенно иному выводу:

Сам Набоков [...] не раз повторял, что никогда не ставил перед собой социальных целей, не внушал моральных уроков: “Я просто люблю сочинять загадки и сопровождать изящными решениями”. Не будем, однако, поспешно доверять подобным максималистским автохарактеристикам. Каждый большой писатель, а Набоков, несомненно относится к таковым, касается и главных вечных тем человеческого бытия и проклятых вопросов своей эпохи.⁴⁶

Среди этих проклятых вопросов есть, конечно, возникновение тоталитаризма в 1930-х годах. Представляя автобиографию Набокова чита-

⁴² Набоков, В. *Другие берега* // Дружба народов. С. 140.

⁴³ Там же. С. 141.

⁴⁴ См.: Foster, L.A. Nabokov in Russian Emigré Criticism // A Book of Things about Vladimir Nabokov / Ed. C.R. Proffer. Ann Arbor, Ardis. 1974. P. 42-54; Naumann M. T. Nabokov as Viewed by Fellow Émigrés // Russian Language Journal. Winter 1974. Vol. 29, No. 99. P. 18-26.

⁴⁵ Струве, Г.. Творчество Сирина // Россия и славянство. Париж, 17 мая 1930 г.

⁴⁶ Набоков, В. *Другие берега* // Дружба народов. С. 141.

телям журнала “Дружбы народов”, Чернышев демонстративно “забывает” все отрывки *Другие берега*, в которых Набоков выявляет зачатки советской тоталитарной машины еще в ленинские годы – не случайно, все эти фрагменты будут вычеркнуты и удалены из текста. Зато Чернышев интерпретирует “*Приглашение на казнь* как прозрачную аллегория гитлеровского насилия: “В *Приглашении на казнь*, как и в написанном почти одновременно *Даре* есть достоверные пугающие приметы Германии под владычеством фашистов: страх, бездуховность, сделавшиеся нормой, паралич общественного мнения”.⁴⁷

Это значит, что в глазах советского критика Набоков становился своего рода пророком ужасов Второй мировой войны – ужасов, которые, разумеется, смогла обуздать только Красная Армия:

Действительность – увы! – оказалась страшнее и уродливее набоковской аллегории. Замок-тюрьма, где мучается в одиночном заключении герой романа Цинциннат Ц., лишь отдалённый эстетизированный прообраз кровавых гитлеровских застенков, в одном из которых погиб и брат автора⁴⁸.

Конечно, эта политизированная интерпретация *Приглашение на казнь* является сама по себе очень спорной. А ее односторонность и предвзятость становятся еще более очевидными, если мы обратим внимание на цензурные сокращения, которым подвергся текст набоковских мемуаров. Цензоры пощадили начальные главы, посвященные детству автора, и сосредоточились на заключительной части, где он затрагивает обстоятельства, которые привели его семью к эмиграции. Неудивительно, что из журнальной версии *Другие берега* исчезли такие отрывки, в которых слишком откровенно говорится о революционном насилии, какие:

Местное татарское правительство смели новенькие советы, из Севастополя прибыли опытные пулеметчики и палачи, и мы попали в самое скучное и унижительное положение, в котором могут быть люди, – то положение, когда вокруг все время ходит идиотская преждевременная смерть, оттого что хозяйничают человекоподобные и обижаются, если им что-нибудь не по ноздре. Тупая эта опасность плелась за нами до апреля 1918-го года. На ялтинском молу, где Дама с собачкой потеряла когда-то лорнет, большевистские матросы привязывали тяжести к ногам арестованных жителей и, поставив спиной к морю, расстреливали их; год спустя водолаз докладывал, что на дне очутился в густой толпе стоящих навывтяжку мертвецов.⁴⁹

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. Здесь речь идет о младшем брате Набокова Сергеем, который в январе 1945 года умер от голода в немецком концлагере Neuengamme.

⁴⁹ *Набоков, В.* Другие берега. Ann Arbor, Ardis, 1978. С. 214.

Если рассуждать об идеологической ориентации цензурных интервенций, возникает впечатление, что редакторы особенно старались сгладить острую критику, которой Набоков подверг личность и поступки Ленина. Не случайно, особенно “изрезанной” цензурой является глава двенадцатая, где автор вспоминает о разочаровании, которое он испытывал, когда, после приезда в Кембридж, пытался объяснить своим английским приятелям, что большевистская Россия – не тот рай на земле, который они себе представляли. Тут интервенции цензуры вполне искажают смысл разговоров повествователя с его условным собеседником-англичанином, так пишет Набоков, “назову его Бомстон, как Руссо назвал своего дивного лорда”.⁵⁰ Удалились не только отрывки, где автор подчеркивает невежество его героя (например: “То немногое, что мой Бомстон и его друзья знали о России, пришло на запад из коммунистических мутных источников”,⁵¹ или “Ему никогда не приходило в голову, что если бы он и другие иностранные идеалисты были русскими в России, их бы ленинский режим истребил немедленно”),⁵² а также фрагмент, где он издевается над наивностью своего собеседника, убежденного в передовом характере взглядов советского вождя на искусство:

Особенно меня раздражало отношение Бомстона к самому Ильичу, который, как известно всякому образованному русскому, был совершенный мешанин в своем отношении к искусству, знал Пушкина по Чайковскому и Белинскому и “не одобрял модернистов”, причем под “модернистами” понимал Луначарского и каких-то шумных итальянцев; но для Бомстона и его друзей, столь тонко судивших о Донне и Хопкинсе, столь хорошо понимавших разные прелестные подробности в только что появившейся главе об искусстве Леопольда Блума, наш убогий Ленин был чувствительнейшим, проницательнейшим знатоком и поборником новейших течений в литературе.

С другой стороны неудивительно, что изъятия коснулись намек к роману Джеймса Джойса *Улисс* – вряд ли средний советский читатель мог догадаться, о чем идет речь, ведь его первый полный перевод вышел только в 1989 году.

В общем, редакторы прекрасно понимали, что соображения писателя-эмигранта о природе советской власти могли бы вызвать публичную дискуссию об ответственности Ленина в развитии сталинского террора, и решили не рисковать. В начале одиннадцатой главы Набоков пишет о том, что в американском издании книги (то есть “Conclusive Evidence”)

⁵⁰ Набоков, В. Другие берега. Ardis. С. 223.

⁵¹ Набоков, В. Другие берега. Ardis. С. 223-224.

⁵² Набоков, В. Другие берега. Ardis. С. 224.

ему пришлось объяснить “удивлённому читателю, что эра кровопролития, концлагерей и заложничества началась немедленно после того, что Ленин и его помощники захватили власть”.⁵³ Наверное, советская цензура считала, что отечественный читатель мог бы прекрасно обойтись без этого объяснения, ведь она убрала и этот фрагмент. И столь же “ненужными”, по мнению редакторов, оказались соображения о разочаровании, которое испытали западные “бомстоны”, когда узнали о преступлениях Сталина:

В свое время, в начале двадцатых годов, Бомстон, по невежеству своему, принимал собственный восторженный идеализм за нечто романтическое и гуманное в мерзостном ленинском режиме. Теперь, в не менее мерзостное царствование Сталина, он опять ошибался, ибо принимал количественное расширение своих знаний за какую-то качественную перемену к худшему в эволюции советской власти. Гром “чисток”, который ударил в “старых большевиков”, героев его юности, потряс Бомстона до глубины души, чего в молодости, во дни Ленина, не могли сделать с ним никакие стоны из Соловков и с Лубянки. С ужасом и отвращением он теперь произносил имена Ежова и Ягоды, но совершенно не помнил их предшественников, Урицкого и Дзержинского.⁵⁴

Цензурные купюры иногда создают определенный идеологический эффект, которого совсем не было в оригинале. Например, когда автор пишет, что он гордится, что тогда, в его “туманной, но независимой юности”,⁵⁵ он уже разглядел признаки возрастающих национализмов и тоталитаризмов, изъятие намёка на Советский Союз конечно сильно искажает его мысль. Ведь в оригинале он ассимилировал и нацистов, и европейских колониалистов, и американских расистов, и славянских антисемитов и, наконец, безличных палачей на службе советской политической полиции (“и, на продолжении того же семейного круга, тех одинаковых, мордастых, довольно бледных и пухлых автоматов с широкими квадратными плечами, которых советская власть производит ныне в таком изобилии после тридцати с лишним лет искусственного подбора”).⁵⁶

Гораздо более забавным является последний купюр, в главе тринадцатой, где Набоков комментирует непоправимый упадок шахматного искусства в Советском Союзе такими словами: “...в свое время Россия избрела гениальные этюды, ныне же прилежно занимается механическим нагромождением серых тем в порядке ударного перевыполнения

⁵³ Набоков, В. Другие берега. Ardis. С. 210.

⁵⁴ Набоков, В. Другие берега. Ardis. С. 232-233.

⁵⁵ Набоков, В. Другие берега. Ardis. С. 225.

⁵⁶ Там же.

бездарных заданий”.⁵⁷ Очевидно, редакторы считали, что недавние триумфы Гарри Каспарова и Анатолия Карпова показали несостоятельность такого суждения, и поэтому решили его убрать.

В заключении можно сказать, что история публикации *Другие берега* на “тех”, далёких, советских берегах является примером конкурентных стратегий тамиздата, самиздата, а также официальной подцензурной прессы в процессе возвращения на родину эмигрантских авторов. Кроме того, нельзя не поддаться соблазну увидеть некую закономерность в том, что задачу восстановления целостности вырезанного цензурой текста Набокова взял на себя журнал под названием “Сумерки”. Ведь то неопределенное, сумеречное состояние, между светом и тьмой, которое было выбрано молодыми редакторами журнала в качестве метафоры их экзистенциального состояния перед лицом перемен, масштабы которых в то время еще не были известны,⁵⁸ для самого Набокова было условием, благодаря которому прошлое и настоящее, детство и зрелость, Россия и Америка, могли трансцендировать друг в друга через посредничество богини памяти Мнемозины:

Летние сумерки (“сумерки” – какой это томный сиреневый звук!). Время действия: тающая точка посреди первого десятилетия нашего века. Место: пятьдесят девятый градус северной широты, считая от экватора и сотый восточной долготы, считая от кончика моего пера. Июньскому дню требовалась вечность для угасания: небо, высокие цветы, неподвижные воды – все это как-то повисало в бесконечном замирании вечера, которое не разрешалось, а продлевалось еще и еще грустным мычанием коровы на далёком лугу или грустнейшим криком птицы за речным низовьем, с широкого туманного мохового болота, столь недостижимого и таинственного, что еще дети Рукавишниковы прозвали его: Америка.⁵⁹

⁵⁷ Набоков, В. *Другие берега*. Ardis. С. 246.

⁵⁸ Не случайно редакторы выбрали в качестве эпиграфа для всех номеров своего журнала определение существительного “сумерки”, данное Владимиром Далем в своем Толковом словаре живого великорусского языка.

⁵⁹ Набоков, В. *Другие берега*. Ardis. С. 70.

Abstract

“Other shores” on “those” shores. On the perestroika publication of V.V. Nabokov’s autobiography.

The essay focuses on the publication of V.V. Nabokov's autobiography “Dru-gie berega” in the journal ‘Druzhba Narodov’ (1988, N. 5, 6) as an example of censorship practice in the perestroika period. On the one hand, the émigré writer was posthumously returned to a vast public; on the other hand, the editors, by abridging and distorting his text, eliminated its most disturbing fragments, especially as the rootedness of Stalin’s totalitarian regime in Lenin’s politics is concerned. Interestingly, the author’s original was immediately restored by the Leningrad typewritten magazine ‘Sumerki’ (1988, N. 2), which published the censored excerpts on the basis of the Ardis's 1978 edition. This little-known case allows us to reconsider in a new light both the repatriation of disgraced Russian writers that began in 1986, and the role of underground publishing, which risked losing its importance after the liberalisation of the press promoted by Mikhail Gorbachev.

Keywords: samizdat, tamizdat, gosizdat, émigré literature, perestroika.

